

14. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей: В 3 т. / Пер. с англ. — М.: Критерион, 2002.
15. *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения / Пер. с англ. — М.: Ладомир, 1999. — 488 с.
16. *Топорков А.Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX - начала XX вв. — Вып. 2. — М., 1990. — С. 67-135.

Kosolapov V.V.

Krasnodar branch of the Russian society of intellectual history, Gelendzhik

Russian heritage of goddess Cali

Article analyzes a number of words often mentioned in Russian folk tales. So, heroes of Burya-bogatir Ivan, cow son, and Ivan Bikovich win three multi-headed serpents on Kalinov bridge. Presence in fairy tale of an Indian princess from the coast of Black Sea makes it possible to recognize here the repetition of the myth of the victory of the Vedic God Indra over the multi-headed snake Vritra. Words “kalian”, “kalinov”, “kalit” derived from theonym Indo-Aryan goddess Cali, which together with the above tale allows us to talk about the ancient contacts of Rus’ and Indo-Aryans.

Keywords: tales, Slavs, language, theonym, Cali, guilden rose, Kalinov bridge, Smorodina river, Indra, Vritra, Burya-bogatir, Ivan Bikovich, Baba Yaga, dolmen, mortar.

УДК 93/94

Пономарева В.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Первые учителя Смольного института (1764 - 1797)

Статья посвящена изучению преподавательского состава первого русского женского института в начальный период существования. Первое время учительский корпус состоял, преимущественно, из женщин, прежде всего, француженок, имевших невысокую квалификацию. В начале 1780-х гг. в институте была проведена реформа, в результате которой учительницы-гувернантки заменялись учителями-предметниками.

Ключевые слова: Россия, женское образование, эпоха Просвещения, Смольный институт, Екатерина II, государственная политика.

В соответствии с просвещенческой программой Екатерины II, с основанием Смольного института положено начало государственному женскому образованию в России. В 1764 г. было открыто «дворянское» отделение — Воспитательное общество благородных девиц, а год спустя и второе, предназначенное для разночинок — Мещанское училище. Весь повседневный и учебно-воспитательный строй института определялся составленным сподвижником Екатерины II И.И. Бецким Уставом Воспитательного общества, дополненным Уставом Мещанского училища [1].

Учебный курс в училищах продолжался 12 лет. Программа в них различалась — для «благородных девиц» она была более пространной. «Благородных» воспитанниц обучали Закону Божию, русскому и иностранному языкам, арифметике, истории, географии, архитектуре и геральдике, законоведению, музыке, рисованию, танцам, рукоделиям и домоводству. Программа Мещанского училища включала Закон Божий, русский и иностранные языки, рисование, арифметику, обучение танцам и рукоделиям, домоводству. Девочек, проявивших музыкальные способности, учили пению и игре на музыкальных инструментах. Устав лишь намечал общие контуры учебной программы Смольного института, в отличие от «воспитательной части», которая растолковывалась более подробно. Детали учебного процесса, методы и уровень преподавания, по всей видимости, предполагалось скорректировать в ходе практической работы.

В первом штате Смольного института состояли четыре надзирательницы и 12 учительниц-иностранок, в основном, француженок [2, с. 989], а сверх того, еще 12 монахинь, которые должны были обучать девиц грамоте [3, с. 19]. Как отмечает первая исследовательница

ца истории русского женского образования, учительницы «неизвестно откуда были набраны» [4, с. 147,244]. В первые три десятилетия существования Смольного института рядом с именами учительниц (за некоторыми исключениями) нет никаких пояснений о предмете их преподавания. Как показало будущее, квалификация первых учительниц Смольного не превышала уровня обычных гувернанток, и вскоре уже не могла отвечать возростающим образовательным требованиям.

Обязанности учительниц и «надзирательниц» (классных дам) уставные документы Смольного института четко не разграничивали. И те, и другие должны были «наставлять» своих подопечных «в основаниях благоразумия, добронравия, благопристойности благородной».

Монахини Смольного Новодевичьего монастыря, в котором располагался женский институт, вряд ли обладали необходимыми навыками. С 1772 г. для занятий с институтками российской грамматикой в монастырь, где располагался институт, была переведена монахиня Анатолия («дочь купца») [5, с. 407]. Если обучение детей в монастырях Западной Европы имело длительную традицию, то в России монастыри существовали «при полном отчуждении от мирской суеты» [6, с. 264], причем выполнение несоответствующих православной обители навязанных им трудов тяготило монахинь.

Первые русские фамилии в списке учительниц появляются в 1779 г. – это выпускницы Мещанского училища, «преподавательница на клавинодах» Анастасия Симишина (1779-1787), а позже Акулина Зеленская (1783-1815). Таким образом, первыми среди подготовленных собственными силами в Смольном институте преподавательниц появляются учительницы «искусств», которые смогли получить профессиональную подготовку.

По представлениям изучаемой эпохи, девочек должны были учить женщины. И только в том случае, если «в каких науках учительниц не сыщется», разрешалось приглашать учителей. Мужчин-учителей один на один с воспитанницами не оставляли: во время урока за особым столиком всегда сидела классная дама, и это обыкновение сохранялось на протяжении всей истории существования институтов.

Упоминания о нехватке преподавателей встречаются в документах постоянно. Объявленные в «Уставе» учебные предметы не были обеспечены преподавательским составом. Из-за нехватки подготовленных учителей преподавание некоторых дисциплин налаживалось не сразу или же велось с перерывами. Так, в списках преподавателей Смольного института в этот период упоминаются преподаватели французского, немецкого и итальянского (до 1794 г.) языков. Однако, по всей видимости, обеспечить непрерывное преподавание итальянского не удавалось – с 1772 г. по 1794 г. сменилось шесть преподавателей, а с 1782 г. по 1788 г. итальянский, по всей видимости, не преподавался, поскольку эта должность оставалась незамещенной. Лишь с 1781 г. в штате встречаются имена преподавателей архитектуры. Среди них – П.С. Филиппов (1762-1834), впоследствии помощник архитектора при строительстве Казанского собора и старший городской архитектор С.-Петербурга.

Долгое время, по крайней мере, вплоть до 20-х гг. XIX в., учителя вели сразу несколько предметов, причем не только из-за нехватки образованных людей, но и из-за неразработанности самих учебных дисциплин. «Энциклопедический» характер образования отвечал неразветвленности науки того времени: школьная наука могла лишь следовать за наукой академической. Педагогика как наука только зарождалась.

Все учебные предметы в Смольном институте делились на «науки» и «искусства». К последним относились музыкальные занятия, «танцевание», рисование, рукоделие и домоводство. Судя по самым ранним сохранившимся штатам института, российскую грамматiku и математику вскоре после открытия института преподавали Иван Березовский (1767-1772 гг.), затем М.С. Пахомов (1772-1792 гг.), который вел также историю, географию и переводы. Уроки по французской грамматике и геометрии в 1768-1770 гг. вел де Сендом, в 1776 г. французское письмо и арифметику Ф. Мишле, а в 1779-1783 гг. – французский язык преподавали учителя с русскими именами – Фаддей Яковлев и Иван Зеленский (последний также вел уроки рисования). Таким образом, учителя зачастую совмещали преподавание несколь-

ких предметов и часто сменялись, срок службы их был недолгим.

Среди «рисовальных мастеров» встречаются имена академика Г. фон дер Минте, возглавлявшего в Российской Академии художеств класс «плодов и цветов», художника И.Ф. Урванова, автора «Краткого руководства к познанию рисования и живописи исторического рода...» (1793), члена Академии художеств по классу «плодов и цветов» Софии Николаевны Жилле (дочь скульптора, профессора живописи Н.-Ф. Жилле).

Больше всего в штате Смольного насчитывалось учителей инструментальной и вокальной музыки и пения. В списке преподавателей рядом с их именами значились пояснения – «музыка на клавирах», на флейте, арфе. Эта тщательность в обозначении профессиональной подготовки учителей музыки составляет впечатляющий контраст по сравнению со списком учительниц общих предметов, чья специализация, очевидно, не имела столь большого значения. И.И. Бецкой полагал, что «науки не имеют образовательного характера, а нужны только для практических целей», и, вообще, «мало ценил научное образование», считая, что самые образованные люди его времени были «вместе с тем, и самые порочные» [7, с. 402]. Эта позиция фактического руководителя Смольного института не могла не оказывать своего влияния на постановку учебного дела. Опыт обучения музыке и танцам, театральной игре, рукоделиям разного рода был намного более «наук» укоренен в традиционалистской культуре, являясь неотъемлемым элементом дворянского воспитания.

Квалификация преподавателей «искусств», по всей видимости, превышала уровень подготовки учителей «наук», не случайно среди первых встречаются известные имена. Среди преподавателей музыки Смольного института – Антон Диль [8], арфисты Семен Гартман и Генриетта Дрейер, музыкант и композитор профессор Карл Поцци. Судя по всему, время от времени преподавались и предметы, не значившиеся в Уставе – «опытная физика», токарное искусство, скульптура. В штате Смольного, действительно, есть упоминание об одном учителе «токарного искусства» (1780-1794) – занятия, которым, как известно, увлекалась невестка Екатерины II, будущая императрица Мария Федоровна.

Важное место в воспитательной системе эпохи Просвещения отводилось театру. В списке преподавателей Воспитательного общества за 1778-1785 гг. значатся поочередно «преподавательницы для обучения театральных пьес» – некие Брошар и Мария Саж. По замечанию исследовательницы, «не успевали девицы выпускать один спектакль, как тотчас принимались за другой. Репетиции шли круглый год, отнимали очень много времени» [9].

В 1776 г. состоялся первый выпуск Воспитательного общества. Курс учения завершился публичным экзаменом, причем смолянки, помимо обозначенных в Уставе предметов, демонстрировали также знания по геометрии и мифологии.

В 1782 г. указом Екатерины II создана Комиссия по учреждению в России народных училищ [10], которую возглавил П.В. Завадовский, будущий первый министр народного просвещения России. Одной из многих задач Комиссии стало реформирование учебной части Смольного института. Комиссией были обнаружены серьезные недостатки. По ее заключению, институт «отягощали многими другими учениями», они «несовершенно знают языки, на которых им преподают науки, а особливо язык российский». Причина заключалась в том, что большая часть предметов преподавалась на иностранных языках, а сами «учительницы» плохо справлялись со своими обязанностями.

Важнейшим предметом являлся Закон Божий, уроки которого на первых порах вел не священник, а светский учитель. Это было делом обыкновенным в учебных заведениях того времени [11]. Первый законоучитель в институте появился лишь в 1783 г. Им стал священник Иоанн Сидоровский.

На русский язык в Обществе теперь отводилось больше всего времени – 21 час на все классы, немецкому языку уделялось на 4 часа больше, чем французскому. Тем не менее, поставленную Комиссией задачу – вести преподавание всех предметов на русском языке оказалось делом невозможным и по объективным, и по субъективным причинам. Прежде всего, вследствие первенствующего статуса французского языка в системе воспитания дворянского недоросля, а также нехватки русских учителей, которым, к тому же, предпочитали учителей

иностранных. Не только научные понятия, но и русскоязычные термины и речевые обороты, находились в стадии формирования, а язык учебников той поры был тяжеловесен и сложен для понимания и запоминания. Уроки натуральной истории вел выпускник петербургской учительской семинарии А.М. Теряев [12], составивший первый учебник на русском языке по минералогии.

Для контроля над преподаванием в Смольном институте назначался один из членов Комиссии, который должен был еженедельно посещать Смольный институт, проверяя ход занятий и соответствие уроков «расположению учения» [13]. Большое значение имело появление в это время в институте *надзирателя* (позже – инспектор классов). Такая ключевая должность была необходима для лучшего руководства учебным процессом, требовавшего постоянных и многообразных забот. Первым эту ответственную должность в 1772-1792 гг. занимал М.С. Пахомов. Надзиратель еженедельно составлял отчеты о ходе учения, в которых указывались пройденные предметы, количество учившихся и отсутствовавших.

Кроме того, Комиссия произвела ротацию учительского состава. Как свидетельствует сличение списков служащих, большинство прежних «учительниц» Воспитательного общества были переведены в ранг надзирательниц, часть из них стали вести уроки рукоделия (соответственно, это означало, что они не были уволены и не потеряли свой заработок). Глава Комиссии П.В. Завадовский заявил, по всей видимости, подчеркивая свое отношение к их квалификации, что отныне «не будут больше нужны иностранки, носившие на себе доселе имя учительниц». Отныне долгое время, вплоть до конца XIX в., за редкими исключениями, учительницы в женских институтах преподавали лишь «искусства»: музыку, танцы, рукоделие, иногда – иностранные языки и рисование. Надо полагать, замена «учительниц»-гувернанток учителями-предметниками свидетельствует о профессионализации учительского корпуса в общественной школе. Тем не менее, малая часть дам-учительниц с неопределенными функциями продолжала сохранять свои рабочие места, вплоть до очередной реформы института в 1797 г. Например, некая Екатерина Даль, в течение десяти лет служившая ключницей в Мещанском училище, вдруг оказалась учительницей в Воспитательном обществе, где преподавала неизвестные науки с 1776 г. по 1786 г. [5, с. 408,464]

Одновременно в составе учительского корпуса появились и несколько женщин, получивших профессиональную подготовку. Ими стали выпускницы Мещанского отделения: Татьяна Делусто, учительница «французского письма» (с 1783 г.), Анастасия Климова (с 1794 г.), учительница «российского и французского чтения и письма», дочь переводчика Дарья Крейпен (с 1795 г.), учительница российского и французского языков. Срок службы учительниц-женщин, в отличие от их коллег-мужчин, оставался длительным: Делусто преподавала более 10 лет, Климова – 25, Крейпен – 20 лет. Очевидно, что воспитанницы Смольного института дорожили пребыванием в стенах своего института. Женщинам, особенно в ту пору, непросто было найти достойное место службы, сохраняя при этом самостоятельность, получая стабильное жалованье, поскольку рынок труда для образованной женщины, в основном, ограничивался преподаванием.

Отныне учительский корпус формировался, по преимуществу, из мужчин, прежде всего, в важнейших учебных дисциплинах. Подобная практика являлась российской спецификой, поскольку в женских учебных заведениях Западной Европы чаще преподавали женщины.

Выбором учителей занималась Комиссия, стремившаяся «вместо неспособных учительниц избрать искуснейших учителей». Комиссия налаживала подготовку учителей «с большой поспешностью» [14, с. 557], но решить подобную задачу в короткие сроки было невозможно. Российский педагогический корпус пополнялся медленно, что не могло не сказаться на развитии всей школы.

По наблюдению Е.И. Лихачевой, Комиссия оставила из прежних учителей лишь троих, назначив им на смену 14 новых учителей [4, с. 219]. В 1783 г. в Смольном институте начали преподавать видные научные деятели, как Т.П. Кириак, занимавшийся переводом учебных книг по заданию Комиссии народных училищ, в будущем инспектор классов

Смольного; Я.И. Малоземов (русская грамматика и риторика, логика и переводы), сменивший Т.П. Кириака на посту инспектора классов, дававший уроки великим княжнам Марии, Анне и Екатерине. Одни и те же учителя, по-прежнему, вели совершенно разные предметы, от «русского правописания» до арифметики.

В те годы в «Уставе народным училищам Российской империи» (1786) и «Руководстве учителям младших классов народных училищ» было сформулировано представление об «идеальном педагоге», который должен был сочетать в себе «профессиональные добродетели»: христианское благочестие, любовь («не робяческой, но соединенной всегда с постоянным и важным видом»), бодрость, терпение, довольствие, прилежание, беспристрастие и снисходительность. Причем учитель, в соответствии с этим канонами — не просто преподаватель, «но, прежде и главным образом, воспитатель» [14, с. 575; 15]. Однако до появления не только «идеальных», но и просто достаточного количества образованных учителей было еще далеко.

Примечания

1. Полное собрание законов Рос. империи. — Собр. 1-е. — Т. XVII. — СПб., 1830. — № 12323. — 1765 г., янв. 31.
2. *Мордвинова З.Е.* Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764-1796) // Исторический вестник. — 1914. — Кн. 6. — Т. СXXXVI. — С. 987-1001.
3. *Бецкой И.И.* Устав воспитания двух сот благородных девиц, учрежденного Ея Величеством государынею императрицею Екатериною Второю, самодержицею Всероссийскою, Материю Отечества, и протчая, и протчая, и протчая. — СПб.: Сенат. тип., 1764. — 22 с.
4. *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России (1086-1856). — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. — Ч. 1. — 894 с.
5. Личный состав начальствующих и служащих в имп. Воспитательном обществе благородных девиц. 1764-1914 гг. // Императорское Воспитательное общество благородных девиц. 1764-1914. Исторический очерк. — Т. 3. — СПб.-Пг., 1914-1915. — С. 397-455.
6. *Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. — СПб.: Тип. Тов. «Общественная Польза», 1904. — 764 с.
7. *Семенов Д.Д.* Столетие Смоленского монастыря. По поводу книг г. Лядова “Исторический очерк столетней жизни Смольного” (СПб., 1864) и Нины Р-ой “Хроника монастыря в царствование императрицы Екатерины II” (СПб., 1864) // Отечественные записки. — 1864. — № 5. — С. 388-409.
8. *Гуляева Т.В.* Зарождение альтового исполнительства в России. URL: <https://nsportal.ru/npo-spo/kultura-i-iskusstvo/library/2017/08/16/statya-zarozhdenie-altovogo-ispolnitelstva-v-rossii>.
9. *Антонова О.А.* Театральные постановки в учебных заведениях Санкт-Петербурга XVIII века // Мир человека. — 2007. — № 4.
10. *Артамонова Л.М.* Исторический опыт и значение школьной реформы Екатерины II // Вестник Самарского государственного университета. — 2009. — № 7(73). — С. 12-19.
11. *Артамонова Л.В.* Закон Божий в школах России и Поволжья при Александре I // Вестник Самарского государственного университета. — 2013. — № 8-2(109). — С. 55-64.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 759. — Оп. 8. — Д. 12. Л. 111.
13. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). — Ф. 2. — Оп. 3. — Д. 1. Л. 1.
14. *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. — Т. 1. — СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. — 736 с.
15. Хрестоматия по истории педагогики: Учеб. пособие для педагог. высш. учеб. зав. — 3-е изд. — Т. IV: История русской педагогики с древнейших времен до Великой Социалистической Революции: Ч. 1. — М.: Учпедгиз, 1938. — 548 с.

Ponomareva V.V.

*candidate of historical sciences, senior researcher
Lomonosov Moscow State University, Moscow*

Smolny's first teachers (1764 - 1797)

Article looks at the teaching structure and hierarchy of the first girls' boarding school in the period following its inception. Initially, most of the teachers were female, mainly French, and not particularly highly qualified. At the start of the 1780s, the school underwent through a reform, following which subject teachers replaced teacher-governesses.

Keywords: Russia, women education, epoch of Enlightenment, Smolny institute, Catherine II, public policy.